18+

Арина Лорель

Проект «Адам»

Арина Лорель

Проект «Адам»

«Издательские решения»

Лорель А.

Проект «Адам» / А. Лорель — «Издательские решения»,

Алексей Волков — блестящий нейрохирург, чья жизнь рухнула в один миг. После трагической ошибки на операции его лицензия отозвана, репутация уничтожена, а руки, когда-то названные «золотыми», начинают дрожать. На дне отчаяния он получает загадочное предложение: работа в закрытом научном городке в Сибири, в проекте «Адам». Там, в лаборатории, вырастили человека с нуля — идеальное тело, уникальный мозг, но без сознания. Алексею предстоит соединить два нейронных пучка, чтобы тот проснулся.

© Лорель А.
© Издательские решения

Содержание

Проект «Адам» 6
Пролог 7
Глава 1 13
Глава 2 15
Глава 3 19
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Проект «Адам»

Арина Лорель

© Арина Лорель, 2026

ISBN 978-5-0071-5335-5
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Проект «Адам»

Пролог

Швейцарские Альпы, декабрь 2048 года

Снег валил крупными мокрыми хлопьями — не падал, а именно валил, будто небо решило избавиться от лишнего груза. Алексей Волков стоял у окна операционной и смотрел, как хлопья цепляются за фонарные столбы на парковке, и на секунду забыл, зачем здесь стоит.

Он смотрел на снег уже минуты три, не меньше. Просто стоял, прижавшись лбом к холодному стеклу, и позволял себе эту маленькую слабость — ничего не делать, не думать, не бояться. Просто смотреть, как белое закрывает мир слой за слоем, пока не останется ничего, кроме белизны. Иногда ему казалось, что если он будет смотреть достаточно долго, то растворится сам — станет одной из снежинок, бездумной и лёгкой. Но снежинки падали и таяли, а он оставался — с тяжестью в груди, с дрожью в пальцах, с этим проклятым осознанием, которое не отпускало ни на секунду.

За спиной гудела операционная — ровно, ритмично, как огромное механическое сердце. Мониторы пищали в такт чьему-то пульсу. Кондиционер гнал стерильный воздух, холодный и без запаха. Медсёстры переговаривались вполголоса — короткими, отработанными фразами. Всё было как всегда. Всё было привычно. И всё было неправильно.

Алексей смотрел на снег и думал о том, что двадцать лет назад, когда он только начинал, когда руки были молодыми и твёрдыми, когда мир казался огромным и полным возможностей, — он не боялся. Ничего не боялся. Ни ошибок, ни смерти, ни собственного несовершенства. Он был гением — так говорили все. Золотые руки. Лучший нейрохирург своего поколения. Человек, который может всё.

Теперь он стоял у окна и боялся. Боялся скальпеля. Боялся собственных рук. Боялся того, что может случиться, и того, что уже случилось. Три месяца назад началось. Три месяца — как приговор. Три месяца — как падение.

Он вспомнил, как всё начиналось. Первый раз — в сентябре. После двенадцатичасовой операции, сложной, изматывающей, но успешной. Он снял перчатки, посмотрел на руки — и увидел, как правая кисть дрогнула. Едва заметно. Микрон, может, два. Он тогда не придал этому значения — усталость, напряжение, возраст. Списал на всё сразу. И забыл. На неделю. На две.

Потом — снова. На другой операции. В середине, когда он работал у основания черепа, в самой опасной зоне. Рука дрогнула. Он замер. Переждал. Продолжил. Тогда всё обошлось. Но страх — липкий, холодный — поселился внутри. С того дня он начал наблюдать за собой. За своими руками. За каждым движением. И чем больше наблюдал, тем чаще замечал. Тем сильнее боялся. Тем больше дрожал.

Он ходил к неврологам — трём, четырём, пятым. Платил наличными. Называл чужие имена. Просил не вносить в базу. Они смотрели снимки, проводили тесты, качали головами. «Эссенциальный тремор, — говорили они. — Возрастное. Не волнуйтесь. Попейте бета-блокаторы. Ограничьте кофе. Больше отдыхайте». Он кивал. Брал рецепты. Выбрасывал их по дороге домой. Потому что знал — это не возрастное. Это что-то другое. Что-то, что подтачи-

вало его изнутри, как вода подтачивает фундамент. Что-то, что росло. Что-то, что убивало его — медленно, но верно.

Он читал статьи — ночами, взахлёб. Искал симптомы, синдромы, болезни. Находил десятки — и ни одну, которая подходила бы полностью. Тремор был. Но причины его оставались загадкой. И это пугало больше всего — не сама дрожь, а её непознаваемость. Как хирург, он привык понимать. Диагноз, прогноз, лечение. А здесь — ничего. Только дрожь. Только страх. Только тишина, в которой он оставался один на один с собственным телом.

Он скрывал это от всех. От пациентов — профессионально. От коллег — привычно. От себя — насколько получалось. Никто не знал. Ни жена, которая ушла два года назад. Ни друзья, которых почти не осталось. Ни Марта — ассистентка, которая работала с ним пять лет и видела его руки каждый день. Он научился прятать дрожь. Сжимать пальцы. Перехватывать инструмент. Делать паузы. Никто не замечал. Или делал вид, что не замечает. Что было ещё хуже.

Потом он повернулся к столу.

— Скальпель, — сказал он.

Голос вышел ровным. Двадцать лет тренировки — голос всегда выходит ровным, даже когда внутри всё скручивается в узел.

Ассистентка — Марта, рыжая, с россыпью веснушек до самых бровей — вложила инструмент ему в ладонь. Знакомая тяжесть, привычный баланс. Алексей знал этот скальпель так, как пианист знает клавиши: не глядя, не думая, кончиками пальцев. Вот она — рукоятка, обтянутая матовым металлом. Вот лезвие, тонкое, как улыбка. Вот баланс, который он мог почувствовать даже через перчатку. За двадцать лет через его руки прошли сотни таких скальпелей. Тысячи. Он мог бы нарисовать этот инструмент по памяти — с закрытыми глазами, одной левой. Но сейчас, когда пальцы сомкнулись на рукоятке, он ощутил не привычную уверенность, а страх. Липкий, холодный, знакомый.

И в тот момент, когда пальцы сомкнулись на рукоятке, он ощутил вибрацию.

Мелкая, едва заметная дрожь в правой кисти. Как будто по нерву пробежал электрический разряд малой мощности. Алексей стиснул рукоятку крепче. Дрожь не ушла. Наоборот, усилилась, словно скальпель стал продолжением его нерва, оголённого и дрожащего. Он сжал пальцы сильнее, до боли, до хруста в суставах, — и ничего. Дрожь осталась. Она была не в руке — она была глубже. В костях. В мышцах. В чём-то, что он не мог контролировать.

— Доктор Волков? — Марта смотрела на него.

— Нормально, — ответил он.

Ложь.

Пациент на столе был не обычным. Сорокалетний мужчина с редчайшей мутацией — его мозг обрабатывал информацию в обход стандартных нейронных маршрутов, и хирургическое вмешательство могло либо восстановить нормальную работу, либо уничтожить то, что делало

его уникальным. Алексей готовился полгода. Снимки МРТ висели у него в кабинете, как карты звёздного неба — он знал каждую извилину, каждый сосуд, каждый миллиметр.

А руки дрожали.

Три месяца назад началось. Сперва — изредка, после многочасовых операций, когда мышцы забиты усталостью, как порохом. Потом — чаще. Он ходил к неврологам, платил наличными, называл чужие имена. Диагноз: эссенциальный тремор, возрастное, не волнуйтесь. Но Алексей врал себе и знал, что врёт. Это было не возрастное. Это было что-то системное — что-то, что подтачивало его изнутри, как вода подтачивает фундамент. Он читал статьи, смотрел симпозиумы, консультировался с коллегами — анонимно, через третьи руки. Никто не мог сказать ничего определённого. Тремор был, но причины его оставались загадкой. И это пугало больше всего — не сама дрожь, а её непознаваемость.

Он скрывал это от всех. От пациентов — профессионально. От коллег — привычно. От себя — насколько получалось.

— Начинаем, — сказал он.

Первые разрезы — чистые, точные. Скальпель шёл по коже, оставляя тонкие алые линии, и Алексей чувствовал знакомый ритм — то состояние, когда руки работают сами, а мозг отключается от всего, кроме задачи. Хирурги называют это «потоком». В этом состоянии Алексей провёл лучшие часы своей жизни. Он любил это чувство больше всего на свете — когда ты и инструмент становитесь одним целым, когда нет ни прошлого, ни будущего, только этот разрез, эта ткань, этот момент. В «потоке» не было места страху. Не было места сомнениям. Была только работа — чистая, идеальная, как математическое доказательство.

Он помнил, как впервые ощутил это — в ординатуре, на третьем году. Молодой, голодный, жадный до работы. Он ассистировал маститому профессору — седому, медлительному, с руками, которые, казалось, видели сквозь ткань. И в какой-то момент профессор отступил и сказал: «Теперь ты». Алексей подошёл к столу. Взял скальпель. И вдруг всё исчезло. Страх, волнение, мысли. Осталась только эта ткань, этот разрез, этот момент. Он работал три часа — и не заметил. А когда закончил, профессор посмотрел на него долго и сказал: «У тебя дар». С тех пор Алексей искал это состояние — снова и снова. И находил. В каждой операции. В каждом разрезе. В каждой жизни, которую спасал.

Потом тремор вернулся.

Он почувствовал его, когда добрался до твёрдой мозговой оболочки. Едва заметный — микрон, может, два, — но достаточный, чтобы кончик скальпеля отклонился. Алексей застыл. Сжал зубы. Силой воли приглушил дрожь — на секунду, на две.

— Ретрактор, — бросил он Марте. — Держите.

Сделал разрез.

И понял, что промахнулся.

Доли миллиметра. В другой профессии — ничего. Здесь — пропасть. Скальпель задел ветвь средней мозговой артерии. Кровь хлынула в операционное поле — густая, тёмная, заливая всё, что Алексей готовился так тщательно изучить. Мониторы взвыли. Давление рухнуло.

— Отсос! — Он уже не говорил — кричал. — Марта, отсос, живо!

Двадцать минут. Двадцать минут он дрался с собственной ошибкой — откачивал кровь, искал повреждение, ушивал сосуд. Руки дрожали и не дрожали одновременно — словно тело разделилось: одна половина спасала, другая разрушала. Он работал в холодном поту, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, как время растягивается в бесконечную резиновую ленту. Каждая секунда длилась час. Каждое движение отдавалось в голове ударом молота.

Кровотечение остановил. Пациента стабилизировал. Рану закрыл.

Но кислородное голодание уже сделало своё дело.

Пациент впал в кому.

— —

Три недели спустя — кабинет главного врача. Мартин Келлер, с которым Алексей когда-то пил дешёвое виски в студенческом общежитии и мечтал о том, как перепишет нейрохирургию. Теперь Мартин сидел за столом из полированного ореха и смотрел на Алексея так, будто перед ним — экспонат в музее патологий.

— Ты понимаешь, что произошло? — спросил Мартин. Без тепла. Без злости. Просто — вопрос.

— Ошибка. Моя. Готов отвечать.

— Отвечать? — Мартин снял очки и протёр их — старая привычка, которую Алексей помнил со студенчества. — Пациент — сын члена совета директоров «НейроФармы». Ты понимаешь?

Алексей понимал. С той секунды, когда скальпель дрогнул.

— Меня уволят.

— Тебя лишат лицензии. Навсегда. Совет проголосовал единогласно. Я пытался — не смог.

Тишина. Алексей разглядывал свои ладони — те самые, которые журналисты когда-то называли «золотыми». Сейчас они лежали на коленях, и в них билась мелкая дрожь.

— Мартин, — сказал Алексей тихо. — Я не понимаю, что со мной. Три месяца назад…

— Три месяца назад ты был лучшим. — Мартин надел очки. — Был, Алексей. Прошедшее время. Ты сам знаешь, что что-то не так. Ты скрывал это. Ты оперировал, понимая, что не можешь гарантировать исход.

— Я думал, что смогу…

— Ты убил человека, Алексей. Он не выйдет из комы. Его семья будет кормить его через трубку сорок лет — если повезёт. Сорок лет. Это ты сделал.

Алексей закрыл глаза. Слова застряли в горле.

— Твои вещи собраны, — сказал Мартин. — Охрана ждёт у выхода. Прощай.

— —

Месяц спустя. Квартира на окраине Цюриха — одна комната, два окна, вид на промзону. Снял за бесценок из того, что осталось от сбережений. Дни сливались в один длинный серый коридор: проснуться, лечь, заставить себя встать, поесть, лечь. Иногда открывал ноутбук — читал медицинские новости. Каждый заголовок отзывался тупой болью в затылке.

Лицензия — отозвана. Репутация — уничтожена. Коллеги перестали отвечать на звонки. Жена ушла два года назад — их брак рассыпался медленно, как штукатурка со стены, но теперь Алексей думал о ней с отчаянием, от которого першило в горле.

Он думал о том, чтобы сдаться. Не всерьёз — пока не всерьёз. Но мысль эта возвращалась, как соседская собака, которая каждый вечер приходит на коврик и не уходит, сколько ни гони.

Телефон зазвонил в четверг, ближе к полудню. Алексей не сразу понял, что это телефон — звук был далёким, чужим. Он нашёл аппарат под кипой газет и медицинских журналов. Незнакомый номер. Международный.

Хотел сбросить. Палец замер над экраном. Что-то — не любопытство, скорее отчаяние — заставило ответить.

— Да.

— Доктор Волков? Алексей Волков, нейрохирург?

— Был, — ответил он. — Вы ошиблись.

— Я не ошиблась, — сказала женщина. Голос — низкий, с акцентом, который Алексей не опознал. — Меня зовут Лена Винтер. Фонд «Эдем». Мы хотим предложить вам работу.

Алексей хмыкнул. Первый звук за неделю, похожий на смех.

— Вы не читали новости. У меня нет лицензии. Я не оперирую.

— Мы знаем. Поэтому и звоним. Нам нужен человек, способный на невозможное. И готовый за это заплатить. Вы готовы, доктор?

— Что вы имеете в виду?

— Приезжайте. Мы в Сибири — закрытый научный городок. Проект, который изменит будущее. Нам нужен лучший нейрохирург. Обстоятельства — не помеха.

— Почему я?

— Потому что вы гений. А нам гении важнее дипломов. Мы верим в талант. И предлагаем вам шанс.

— Какой?

— Снова оперировать. Работать над тем, чего никто не делал. — Пауза. — Исправить то, что вы натворили.

Алексей смотрел в окно. Снег. Такой же мокрый и безразличный, как в тот день. Руки дрожали — даже сейчас, даже когда он просто держал телефон. Терять ему было нечего. Это он понимал с безжалостной ясностью человека, который уже на дне.

— Какой проект? — спросил он.

— «Адам», — ответила Лена Винтер. — Мы создаём нового человека, доктор. И нам нужен тот, кто сможет вскрыть ему череп.

Глава 1

Алексей летел в Сибирь через Стамбул и Новосибирск — двумя пересадками, тремя сменами часовых поясов, сквозь облака, которые становились всё плотнее, будто мир за окном постепенно превращался в вату. В Стамбуле он просидел шесть часов в транзитной зоне, пил мерзкий кофе из автомата и смотрел на людей, которые куда-то шли — быстро, целенаправленно, с лицами, на которых было написано «завтра». Алексей не помнил, когда сам был таким. Может, в другой жизни. Может, никогда.

В Новосибирске его встречал водитель — молчаливый мужчина с лицом, вырубленным из камня, в куртке, которая могла бы выдержать арктическую зиму. Он забрал чемодан Алексея, кивнул и повёл к «УАЗу», стоявшему у выхода. Машина была старая, латаная, с трещиной на лобовом стекле, похожей на молнию. Алексей сел, и водитель завёл мотор, и они поехали.

Дорога шла на север. Сперва — по трассе, обсаженной берёзами, голыми в январе, похожими на скелеты. Потом — по грунтовке, которая петляла среди холмов, покрытых снегом и редким сосняком. Алексей смотрел в окно и думал, что пейзаж совпадает с его внутренним состоянием — белый, пустой, лишённый деталей. Иногда попадались деревни — пять-шесть домов, баня, покосившийся забор. Иногда — ничего. Просто снег. Просто тишина.

Он заснул. Проснулся от толчка — машина съехала в кювет и выбралась обратно. Водитель не проронил ни слова. За окном стемнело, и снег шёл — густой, ленивый, безразличный.

Через четыре часа впереди появился свет.

Сперва — отдельные огни, рассыпанные по склону холма, как искры от костра. Потом — больше. Ограда. КПП. Высокий забор из серого бетона, поверх которого тянулась колючая проволока — три ряда, блестевших под фонарями. За забором — здания. Несколько корпусов, соединённых переходами. Ангар, похожий на церковь без креста. Радарная тарелка на крыше главного корпуса, медленно вращавшаяся, как будто искала что-то в небе.

— Приехали, — сказал водитель.

Первые слова за всю дорогу.

— —

КПП прошло быстро. Охрана — двое молодых парней в камуфляже, с автоматами, которые висели на ремнях, как декорация, — проверила документы, сверила с какой-то базой, кивнула. Один из них посмотрел на Алексея с любопытством — тем специфическим, которое бывает у людей, которые знают больше, чем говорят. Алексей узнал этот взгляд. Он видел его у медсестёр.

За КПП его встретила женщина. Не Лена Винтер — другая. Маленькая, сухая, с короткой стрижкой и глазами, которые смотрели так, будто каждую секунду что-то подсчитывали. Она представилась: Нина, координатор. Пожала руку коротко и крепко, как мужчина.

— Доктор Волков, — сказала она. — Вас ждут. Размещение в корпусе «Б», третий этаж. Завтрак в семь, обед в тринадцать, ужин в двадцать. Распорядок — обязательный. Лифтом не пользоваться, лестница. Это не прихоть.

— Почему?

— Технические ограничения. Поясню позже.

Она повела его по переходу — длинному, ярко освещённому, с белыми стенами и линолеумом, который скрипел под ногами. Пахло хлоркой и чем-то ещё — металлическим, едва уловимым, как привкус крови. Алексей знал этот запах. Он чувствовал его каждый день в операционной. Но здесь он был другим — тоньше, глубже, как будто проникал не в нос, а прямо в мозг.

— Сколько людей здесь работает? — спросил он.

— Сорок семь. Научный персонал — двадцать два. Обслуживание и охрана — остальные.

— Это все?

— Достаточно.

Нина не была словоохотлива. Алексей не настаивал. Он слишком устал для разговоров — от дороги, от бессонницы, от всего. Комната, в которую его поселили, оказалась маленькой, но чистой: кровать, стол, стул, шкаф, окно с видом на забор и лес за ним. На столе — ноутбук, запароленный. На кровати — серое одеяло, армейское, жёсткое. Алексей сел на край кровати и посмотрел на руки. Они дрожали. Конечно, дрожали. Они дрожали всегда.

Он лёг, не раздеваясь. Закрыл глаза. И заснул — мгновенно, как падает камень в воду.

Глава 2

Утро началось с того, что он не помнил, где находится.

Потолок был белым. Стены — белыми. Одеяло — серым. За окном — снег. Алексей сел, и на секунду ему показалось, что он всё ещё в цюрихской квартире на окраине, и что звонок Лены Винтер приснился ему в горячечном бреду. Но потом он увидел ноутбук на столе — запароленный, не его — и понял, что всё было настоящим.

Время — шесть тридцать. За окном — серый рассвет, тусклый, как будто солнце не решало вставать. Алексей умылся, оделся, спустился по лестнице. Лифт действительно не работал — двери были заклеены жёлтой лентой с кириллической надписью: «Техническое обслуживание».

В столовой — первом этаже корпуса «Б» — было пусто. Только пожилая женщина за стойкой, которая молча налила ему кофе и положила на поднос гречку с котлетой. Кофе оказался неожиданно хорошим. Алексей сел у окна и смотрел, как за стеклом медленно светает.

К нему подошёл мужчина. Высокий, сутулый, с длинными волосами, собранными в хвост, и лицом, которое могло бы принадлежать поэту или бездомному — в зависимости от контекста. Глаза — серые, внимательные, с прищуром.

— Волков? — спросил он.

— Да.

— Илья Каменев. Молекулярная биология. — Он сел напротив, не дожидаясь приглашения. — Вы четвёртый за два месяца. Троих до вас я уже не застал — они уехали. Или их отправили. Не знаю точно.

— Отправили?

— Отсюда уходят по-разному. Кто сам, кто — не сам. — Илья пожал плечами, как будто говорил о погоде. — Вы ведь нейрохирург? Тот самый?

— Был.

— Здесь все «были». — Он усмехнулся. — Был лучший программист Европы. Был ведущий генетик России. Был профессор нейробиологии Оксфорда. Были, были, были. Чистилище для «бывших».

Алексей посмотрел на него внимательнее. Илья был из тех людей, которые казались расслабленными, но на самом деле постоянно наблюдали. Каждый жест, каждый взгляд — выверенный. Это Алексей знал по операционной: так ведут себя люди, которым нельзя ошибаться.

— А вы? — спросил Алексей.

— Я был гениальным. — Илья отхлебнул кофе. — А теперь работаю здесь. Проект «Адам». Создаём человека с нуля. Или почти с нуля. Я занимаюсь генетической архитектурой — чертёж тела, если хотите. Другие — мозг, нервная система, иммунитет. Каждый отвечает за свой кусок. А вы, доктор, — вы отвечаете за скальпель.

— Скальпель?

— Когда «Адам» будет готов, его нужно будет… довести до ума. Нейрохирургическая коррекция. Что-то, что нельзя сделать на генетическом уровне — нужно делать вручную. После рождения.

— После рождения, — повторил Алексей. Слова ощущались странными, тяжёлыми.

— Или создания. Или сборки. Не знаю, как правильно. — Илья допил кофе. — Лена объяснит. Она объясняет лучше всех. Она умеет.

Лена Винтер появилась в десять. Алексей ждал её в комнате для совещаний — белой, стерильной, с длинным столом и стульями, похожими на зубоврачебные. Она вошла — и Алексей понял, что по телефону не разобрал её голоса. Не потому что голос был необычным — наоборот, он был слишком обычным. Низкий, ровный, отшлифованный, как речной камень. Голос человека, который десять раз повторил каждое слово, прежде чем сказать.

Она была высокая — почти с Алексея. Тёмные волосы, убранные назад. Лицо — узкое, резкое, с скулами, которые могли бы резать стекло. Глаза — тёмные, почти чёрные, и в них было что-то, что Алексей не мог определить. Не сила, не ум — что-то более редкое. Уверенность? Нет, не та, что он видел у хирургов или политиков. Другая. Тихая. Абсолютная. Уверенность человека, который знает не то, что прав, — а то, что неизбежен.

— Доктор Волков. — Она протянула руку. Рукопожатие было сухим и коротким. — Добро пожаловать в «Эдем». Рада, что вы приняли решение.

— У меня не было выбора.

— Выбор есть всегда. — Она села напротив. — Просто иногда варианты одинаково плохи.

— Вы звонили человеку на дне. Это не выбор, это — спасательный круг.

Лена чуть наклонила голову. Улыбка — едва заметная, тень на губах, не более.

— Я звонила человеку, который мне нужен. Не тому, кому нужен я. Это разные вещи, доктор. Вы нужны мне — не как спасённый, а как инструмент. Думаю, честность — лучшее начало.

Алексей оценил честность. Ему надоело, когда с ним обращались как с хрустальным — осторожно, бережно, как будто он мог рассыпаться. После увольнения все, кто вообще говорил с ним, делали это шёпотом, как у постели умирающего. А эта женщина говорила прямо, и в этом было что-то, что Алексей не испытывал давно — уважение.

— Расскажите о проекте, — сказал он.

Лена встала и подошла к стене. Провела ладонью по белой поверхности — и стена ожила. Экран, встроенный в штукатурку. На нём — схема. Сложная, многослойная, с линиями, которые переплетались, как кровеносные сосуды, и узлами, которые светились, как звёзды.

— «Адам», — сказала Лена. — Первый искусственный человеческий организм, созданный от молекулярного уровня до полноценного взрослого тела. Не клон. Не химера. Не генетическая модификация существующего эмбриона. Новая жизнь — собранная, выращенная, обучённая. С нуля.

Алексей смотрел на схему. Она была красивой — по-настоящему, математически, как теорема, которую понимаешь мгновенно. Линии и узлы складывались в структуру, которая была знакома и незнакома одновременно — как лицо, которое видел во сне, но не можешь вспомнить, где.

— Сколько ему лет? — спросил Алексей. — Организму. Биологически.

— По генетическим часам — двадцать семь. По хронологии — два года. Мы ускорили рост. Органы, ткани, скелет — всё сформировано. Тело полностью функционально.

— Два года, — повторил Алексей. — И вы хотите, чтобы я оперировал ему мозг.

— Хочу — слишком мягко. Нуждаюсь — точнее. — Лена увеличила схему. Мозг — серый, складчатый, с извилинами, которые выглядели слишком ровными, слишком идеальными. — Его мозг — шедевр. Илья и его команда спроектировали нейронную архитектуру с нуля. Каждая связь, каждый путь — выверен. Но есть проблема.

— Какая?

— Мозг не запускается. — Лена произнесла это ровно, но Алексей уловил в голосе напряжение — тонкое, как нитка, которую тянешь, пока не порвётся. — Нейроны живы. Синапсы сформированы. Электрическая активность — на уровне спящего мозга. Но сознания нет. Он не просыпается. Мы перепробовали всё — фармакологию, стимуляцию, магнитные поля. Ничего. Мозг работает на автопилоте, но «никого нет дома».

— И вы думаете, что хирургия поможет.

— Мы думаем, что в архитектуре мозга есть узкое место — физическое, не программное. Несколько нейронных пучков, которые должны соединить префронтальную кору с глубинными структурами, не завершились. Как мост, который построили, но не сдали — не положили последние плиты. Мы можем достроить — но снаружи, скальпелем. Точнее, чем может только один человек на планете.

— Откуда вы знаете, что я единственный?

— Потому что я три года искала. — Лена посмотрела на него. — Триста шестьдесят кандидатов. Пятьдесят два интервью. Четыре пробных контракта. Трое отказались. Один умер. Один оказался бездарностью. И вы.

— Я с тремором.

— Я знаю.

— Я убил пациента.

— Я знаю.

— И всё равно.

— Именно поэтому. — Она выключила экран. Стена снова стала белой. — Хирург, который не знает страха, опасен. Хирург, который знает страх и всё равно идёт — бесценен. Вы боитесь. Но вы здесь. Это всё, что мне нужно.

Алексей молчал. За окном шёл снег — всегда снег, бесконечный, как белый шум.

— Когда я увижу пациента? — спросил он.

— Завтра. Сегодня — отдыхайте. Осваивайтесь. Завтра в девять — корпус «А», лаборатория семь. Я пришлю Нину.

— Лена, — сказал он, когда она уже стояла у двери. — Один вопрос.

Она обернулась.

— Почему «Эдем»?

Пауза. Короткая, но заметная.

— Потому что здесь мы начинаем заново, — сказала она. — Все мы.

Глава 3

Корпус «А» был старше «Б» — это ощущалось по запаху, по фактуре стен, по тому, как скрипели полы. Переход между корпусами шёл через застеклённую галерею, за которой белела пустошь — снег, деревья, небо, всё одного цвета. Алексей шёл с Ниной и молчал.

— Доктор Волков, — сказала Нина, не оборачиваясь. — Вам будут задавать вопросы. Не все, на которые вы захотите ответить, — обязаны отвечать. Не все, что вы увидите, — должны обсудить. Это понятно?

— Да.

— Хорошо.

Лаборатория семь находилась в подвале. Лифт — закрыт. Лестница — бетонная, с перилами, покрытыми инеем. Спуск занял три минуты. На двери — кодовый замок, сканер сетчатки и что-то ещё — плоская панель, к которой Нина приложила ладонь. Замок щёлкнул.

За дверью был зал.

Большой — размером с операционную университетской клиники, может, больше. Потолок — высокий, четыре метра, с лампами, которые давали холодный белый свет, как в морге. Стены — облицованы стальными панелями. Пол — антистатический, тёмно-серый. В центре — стол. Не операционный — капсула. Прозрачная, овальная, как яйцо, наполовину заполненная жидкостью — мутноватой, чуть желтоватой, похожей на амниотическую, но плотнее. В жидкости — тело.

Алексей подошёл ближе.

Мужчина. Молодой — на вид двадцать пять-двадцать семь. Лицо — симметричное, почти пугающе правильное, как у античной статуи. Кожа — гладкая, без изъянов, без родинок, без шрамов. Волосы — тёмные, короткие, мягкие. Тело — жилистое, пропорциональное, с мышцами, которые были видны, но не выпирали. Глаза — закрыты. Грудь — поднималась и опускалась, медленно, ритмично. Он дышал.

Алексей стоял над капсулой и смотрел. Он видел много тел — живых, мёртвых, вскрытых, зашитых. Он держал сердца в руках, трогал мозги, видел то, что не должен видеть ни один человек. Но это — было другое. Это тело не было рождено. Оно было построено. Каждая клетка — спроектирована. Каждый орган — собран. Это было тело, которое никогда не было ребёнком, никогда не росло, никогда не болело — пока его не начали создавать. И в этом было что-то одновременно прекрасное и ужасное, как первый полёт — восторг и высота, и страх, и пустота под ногами.

— Его зовут Адам, — сказала Лена. Она стояла за спиной Алексея. Алексей не слышал, как она вошла.

— Имя — символ или по паспорту?

— Символ. Но если всё пойдёт по плану, у него будет паспорт. Имя, фамилия, гражданство. Он будет человеком — юридически, биологически, во всех смыслах.

— Юридически — это вы возьмёте на себя?

— Фонд «Эдем» имеет договорённости. — Лена не уточнила. — Давайте перейдём к делу. Илья, покажите доктору сканы.

Илья Каменев появился из-за капсулы — Алексей не заметил его раньше. Он держал планшет, на котором крутилась трёхмерная модель мозга. Той же, что Лена показывала вчера, но детализированная до отдельных нейронов.

— Вот здесь, — Илья указал на участок в глубине мозга, — и здесь. Два пучка. Они должны соединять префронтальную кору с таламусом и миндалевидным телом. У обычного человека эти связи формируются внутриутробно — в третьем триместре. У Адама — нет.

— Почему?

— Мы не знаем. — Илья сказал это без тени смущения — как учёный, который привык не знать. — Вырастили всё остальное. Эти два пучка — остановились на полпути. Как будто чего-то не хватило. Химического фактора, электрического сигнала — мы перепроверили все протоколы. Без результата.

— И вы хотите, чтобы я их достроил.

— Хотим, чтобы вы соединили. Физически. Микрохирургически. — Илья увеличил модель. Два нейронных пучка — толстых, как нити паутины, кончались тупиками, на расстоянии двух миллиметров друг от друга. — Два миллиметра. Нужно создать мост — живую нейронную ткань, которую мы подготовим, и имплантировать её так, чтобы оба конца проросли сквозь неё и соединились. Технически — возможно. На практике — не делал никто.

Алексей смотрел на модель. Два миллиметра. В другом контексте — смешное расстояние. В нейрохирургии — пропасть. Он делал операции на сосудах мозга с точностью до долей миллиметра. Но там он работал с существующей, живой, природной тканью. Здесь — с искусственной. С тканью, которая никогда не была живой в том смысле, в каком жива даже опухоль — потому что опухоль хотя бы растёт самовольно, а эта была выращена по чертежу.

— Сколько времени на подготовку? — спросил он.

— Столько, сколько нужно. — Лена. — Оборудование — любое, какое попросите. Персонал — любой, какого выберете. Бюджет — не ограничен.

— Мне нужны МРТ. Послойные, с разрешением не ниже двадцати микрон. И функциональные карты — где активность, где тишина.

— Всё будет завтра.

— Мне нужен кто-то, кто знает этот мозг лучше, чем я. Не по учебникам. По живому.

— Илья.

— Нет, — сказал Алексей. — Илья — генетик. Мне нужен нейробиолог. Тот, кто понимает, как этот мозг думает. Или не думает.

Лена посмотрела на Илью. Илья — на Лену. Что-то прошло между ними — незримое, быстрое, как ток по проводу.

— Есть один человек, — сказала Лена. — Но с ним — сложно.

— Все, кто здесь, — сложные.

— Этот — особенно. — Лена помолчала. — Марк Соколов. Профессор нейробиологии. Был в Оксфорде. Потом — инцидент. Теперь он здесь. Но он… не всегда доступен.

— Что значит — не всегда?

— Он бывает нестабилен. Периодически. Но когда он в себе — гений. Без преувеличения.

— Мне нужен гений, — сказал Алексей. — Нестабильность — это уже мой риск.

Лена кивнула. И подвела его к стене, на которой висел экран. Нажала кнопку. Появилось изображение — внутренний мониторинг. Камера в комнате. Мужчина — лет пятидесяти, с седой бородой, в очках, сидел за столом и что-то писал. Быстро, взахлёб, исписывая лист за листом. Время на записи — три часа ночи. Свет — от настольной лампы. Глаза — лихорадочно блестящие, как у человека, который не спит третьи сутки.

— Марк, — сказала Лена. — Он изучает сознание. Не мозг — сознание. Разница, которую он объяснит лучше меня.

— Он знает об Адаме?

— Он знает об Адаме всё. Больше, чем я, может быть. — Лена выключила экран. — Но Марк задаёт вопросы, на которые у меня нет ответов. И это делает его опасным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.